

ДА, МАРК ТВЕН— «МАСТЕР АНЕКДОТА», НО...

Не так давно в «Литературной газете» и «Нью-Йорк таймс» разгорелась полемика вокруг нового издания автобиографии Марка Твена. Издатель книги Ч. Найдер, включив в нее целый ряд не публиковавшихся ранее материалов, вместе с тем опустил некоторые очень острые, а порой и горькие политические высказывания писателя, ибо, по его словам, читателя наших дней они уже не заинтересуют. Я не собираюсь писать вдогонку еще одну рецензию на выпущенную Найдером книгу. Мне захотелось продолжить начавшийся большой разговор, ибо спор идет уже не о том, насколько ценно или, напротив, устарело то или иное высказывание Твена, опущенное издательством книги, спор зашел глубже — кем был Марк Твен, писатель и человек. Речь идет о праве исследователя препарировать тексты и рукописи в соответствии со своим представлением о том, что заинтересует и что не заинтересует читателя.

«Был ли Марк Твен, кумир советских исследователей американской литературы, прежде всего выдумщиком и юмористом, как это утверждает мистер Найдер, или же он был прежде всего автором либеральных эссе по социальным вопросам, обличителем американских беззаконий, как утверждают московские критики», — так излагается на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» существо дискуссии. Что предоставить вниманию широкого читателя: «высказывания Марка Твена» или «юмористические отрывки (наброски)», — так ставит вопрос один из обозревателей дискуссии м-р Карузерс.

С подобной постановкой вопроса трудно согласиться, ведь читателей не подгоняешь под один ранжир. Книгами Твена иной зачитывается в детстве, а став взрослым, предпочитает им философическую литературу, другой будет наслаждаться блеском твенского остроумия, для третьего писатель станет властителем дум, помогающим решать вопросы собственной жизни. Больше того, дело не только в индивидуальных склонностях. Вечное чудо произведений искусства — мысль не новая — состоит в том, что они не стареют и не умирают, что литературные герои, рожденные в определенной стране и в определенную эпоху, начинают жить самостоятельной жизнью в сердцах людей дальних стран, иных веков. Как же можно мерить всех на свой аршин, выбрасывая из рукописи то, что покажется «скучным» или «устаревшим»?

Тот, кто возьмет «Автобиографию Марка Твена», захочет увидеть автопортрет писателя таким, каким нарисовал его сам автор. Думаю, со мной согласятся те, кому дорог Марк Твен, — будь то русский или американец.

Читатель волен сам решать, чем близок ему Марк Твен, он задумается также и над тем, в чем «суть» писателя. По мнению американских обозревателей дискуссии, мистер Найдер издал замечательную книгу, потому что увидел Марка Твена мастером анекдота, но не мыслителем. Объективности ради обозревателям следовало бы добавить, что подобному взгляду на Марка Твена противостоят не только работы советских критиков (к слову сказать, вовсе не настолько однотипные, как это представляется из-за океана), но и мнение многих соотечественников великого писателя. Теодор Драйзер увидел в Твене не только «поистине раблезианский по силе дар юмора, парадокса,

преувеличения и острой шутки», но и «его затаенный дар, его талант изображать мрачное и разрушительное, его лирические и скорбные размышления о смысле и бессмысленности жизни, силу и ясность его реализма, его критики». А Эрнест Хемингуэй писал: «Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, из его «Гекльберри Финна»... Лучшей книги у нас нет... До «Гекльберри Финна» ничего не было. И после него равноценной книги не появлялось».

Для нас «Приключения Гекльберри Финна» — наиболее автобиографическое произведение Твена не потому, что Сент-Петербург напоминает родной Твену Ганнибал, а персонажи — самого маленького Сэма Клеменса, его друзей и родных. Книга эта, на мой взгляд, — самое яркое воплощение того, что называют «пафосом творчества» писателя.

В романе есть эпизод, когда Гек Финн, помогая скрываться беглому рабу, мучается оттого, что совершает будто бы безнравственный поступок. Он чувствует себя последним подлецом, людское презрение и вечные муки ада кажутся ему справедливым возмездием за его «преступление». Такова, по мысли Твена, калечащая человека власть внушенных ему предрассудков. Гек даже решил было выполнить «долг» и выдать своего черного друга. Однако затем происходит внутреннее освобождение Гека. «Меня даже в дрожь бросило, потому что тут надо было раз навсегда решиться выбрать что-нибудь одно — это я понимал. Я подумал с минутку, даже как будто дышать перестал и говорю себе: «Ну, что ж делать, придется гореть в аду». Взял и разорвал письмо. Страшно было подумать, страшно было даже говорить такие слова, но я их все-таки сказал».

Гек Финн, оставшийся верным своему внутреннему голосу, не побоявшийся пойти против людского мнения, против закона, против бога, — в этом герое воплотилась, на мой взгляд, самая сокровенная мечта Твена, «проповедь», которая, по его словам, была стимулом его творчества. Освободить человека, разрушить навязанные ему предрассудки, научить его «непочтительности» по отношению к устоявшимся традициям и авторитетам — такова была цель Твена, юмориста и мыслителя.

Да, Марк Твен был мастером анекдота — ведь и этот эпизод романа, если хотите, тоже своего рода «анекдот»: совершая подвиг, Гек считает, что он совершает преступление. Твен блестяще владеет искусством иронии. Без этого искусства не было бы и неповторимого художника. Но неповторимость Твена нельзя понять, если закрыть глаза на вечные поиски его живой мысли.

Для меня и, я уверена, для многих читателей юморист Марк Твен прежде всего — неутомимый и беспокойный правдоискатель, ничего не принимающий на веру, постоянно подвергающий переоценке привычные, устоявшиеся представления. Для меня Марк Твен — мыслитель и художник, объявивший войну «окаменевшим мнениям» собственной Америки, ибо «приверженность окаменевшим мнениям никогда еще в этом мире не разбивала цепи, не освобождала человеческой души», а «непочтительность — это борьба за свободу и ее единственная надежная защита».

Атаман мальчишеской вольницы Том Сойер, коннектикутский Янки, отправленный в средневековую Англию, чтобы взяться за искоренение суеверий и предрассудков целого народа, Жанна Д'Арк, «гений патриотизма», «самая неэгоистическая личность во всей светской истории», — Твен всю жизнь снова и снова ищет своего героя: «естественного», «независимого» человека, не исковерканного «унаследованными идеями», свободного от власти вещей и денег. Американский бездомный парнишка Гек Финн особенно близок писателю потому, что никакие веками внушенные предрассудки и догматы оказались не в силах заглушить в человеке из народа его нравственное чувство.

Для Марка Твена Гек был самым дорогим его созданием — «единственный независимый человек в Америке», сказал он о Геке уже на склоне лет. Но самому писателю было не так просто следовать примеру своего героя. И прежде всего из-за той «политики», которую мистер Найдер с такой легкостью решил выбросить из автобиографии Твена. Предрассудки, выставляемые Твеном на осмеяние, «проповедь», с которой Твен обращался к читателю, были живучими предрассудками и смелой проповедью. Марк

Твен, как всякий честный писатель, руководствовался не только инстинктом художника, но и чувством гражданского долга. Без этого не понять ни книг Марка Твена, ни его биографии.

Хочется в связи с этим остановиться на одном, долгое время бывшем неизвестным факте творческой биографии писателя, на мой взгляд — знаменательном. Не так давно мне удалось прочесть «Жизнь на Миссисипи» полностью — в том виде, в каком Твен подготовил ее к печати (впервые в США этот текст был опубликован лишь в 1944 году, то есть через 60 лет после первого издания книги). Рукопись Твена тогдашний издатель — правда, с согласия автора — «отредактировал», изъяв отдельные абзацы и даже целые главы. Работа издателя с рукописью была не столько редактурой, сколько цензурой, это ясно и автору американского послесловия Уиллису Уэйджеру. Страшно было, считает Уэйджер, «оскорбить некоторых читателей, особенно южан, а может быть, и тех северян, кто склонен был романзировать то, что называлось «добрым старым временем». Видно, не такими уж беспомощными и «тривиальными» были разоблачения американского Юга, если издатель побоялся, что это может помешать распространению книги!

Историю рукописи «Жизнь на Миссисипи» я привела не потому, что вижу в этом самое яркое доказательство того политического радикализма Твена, который интересует советских критиков якобы лишь в целях «пропаганды». Она заинтересовала меня прежде всего тем, что помогла многое понять в жизни Марка Твена, его настроениях, его писательском облике.

Твен любил повторять, когда работал над книгой, что он «в одну минуту бросил бы писательство ради работы лодмана, если бы моя жена согласилась на это». Славу и богатство вырвал Твен у судьбы, но порой чувствовал, что нет у него прежней независимости. Недаром родилось у него желание сменить упорядоченную жизнь в respectable особняке на открытую непогодам палубу корабля. Недаром в эти же годы он пишет повесть о том, как нищий мальчик Том Кэнти, став королем, рвется из своей позолоченной тюрьмы.

Твен подчинился требованиям издателя и выбросил забракованные куски. Но писатель не поступил так, что считал делом своей совести. Над романом «Приключения Гекльберри Финна» Твен работает тут же вслед за книгой «Жизнь на Миссисипи». Цивилизованное варварство южной аристократии, «белый душой» беглый негр, вся картина жизни «доброго старого Юга» — разве это не было еще более умным и издевательским оскорблением тех же «некоторых читателей»? То, что «не прошло» в открытой публицистической форме, писатель облекает в художественные образы. С теми же предрассудками, только еще более последовательно и глубоко, продолжает Твен бороться всем своим творчеством.

Мистер Найдер, по его словам, «освободил» автобиографию Марка Твена от «скучных политических высказываний». Нет, он лишил Марка Твена возможности рассказать о самых болезненных вопросах последнего периода его жизни, о тех сокровенных мыслях, которыми — хоть из могилы — хотел он поделиться с потомками.

Но судьбы писателей, на мой взгляд, никогда не определялись исследователями и критиками, независимо от того, насколько единым фронтом выступали они и велико ли количество их трудов; даже редакторы и издатели, орудующие ножницами, оказываются бессильными. Судьбы писателей в конечном итоге решаются многими поколениями читателей — благодаря или вопреки критикам. Этому учит опыт мировой литературы. И никому не удастся причесать Марка Твена под свою гребенку, слишком непокорны его великолепные волосы, те, что Горький назвал «буйными языками белого холодного огня».

Т. Ланина

